

Янь Фуи провалился в беспросветный, глубокий сон.

Он и не думал, что до сих пор помнит то время — затерянную в горах долину, где они жили всей семьёй, когда мама ещё была жива.

Тот укромный уголок принадлежал простому миру смертных, подальше от земель заклинателей.

В его угасающей памяти времена года там сменяли друг друга чинно и в срок. Весна, лето, осень и зима — ничто никогда не нарушало извечного круговорота.

Зато в мире заклинателей царил хаос. Те, кто умел призывать бури и повелевать дождями, могли в любой миг переключить погоду в угоду собственным прихотям.

Тот же Даосский орден Куньлунь, угнездившийся на вершине хребта, круглый год слепил глаза вечными, натающими снегами.

Фуи же любил, когда времена года сменялись по-настоящему. В этом чувствовалась жизнь.

Но в один ужасный день та живая, цветущая долина обернулась кошмаром, утонувшим в огне и крови.

Дыхание Янь Фуи участилось. Под рёбрами словно провернулось острое лезвие. Грудь сдавило, воздуха не хватало, но проснуться никак не удавалось.

К счастью, зловещий багрово-чёрный туман вскоре рассеялся, и видение изменилось.

Шихэн Фууй, когда ещё был жив, любил поддразнивать его всякими нелепицами.

— Почему я так добр к тебе? М-м... Потому что наш маленький Фуи — мой белый лунный свет.

— Белый лунный свет — это кто-то безупречно чистый. Тот единственный, ради кого готов забыть весь остальной мир. Кто всегда будет занимать самое высокое место в твоём сердце, что бы с ним ни произошло.

— Тебе нужно хоть иногда расслабляться. Хватит изнурять себя, учись отлынивать от дел. Честное слово... даже вьючного осла так не гоняют.

...

В те годы учитель ещё изредка смотрел на маленького Фуи с одобрением. Шисюн Цинхэ вечно

дурачился со старшими учениками, а Янь Тиншуан ходил за братом хвостиком, готовый во время грозы притащить своё одеяло и устроиться спать рядом.

... Но правда ли всё это?

Янь Фуи сокрушённо замер во сне.

«Неужели те светлые дни действительно существовали? Или это лишь утешительный обман угасающего разума, цепляющегося за жизнь?»

И если всё это правда, то в какой именно миг мир вокруг начал рушиться?

Новая вспышка боли разорвала сонный покой. Она терзала его бесчувственное тело, словно пытаясь переплавить плоть, превратить её в струйку дыма и навеки запереть в темнейшем ущелье.

А ведь он, по правде говоря, ужасно боялся боли.

Именно поэтому он так страшился главы ордена. Боялся настолько, что даже спустя годы трепетал перед одной лишь мыслью о встрече с ним.

Янь Фуи не понимал, за что глава ордена так люто его ненавидел. Впрочем, ненависти не нужны причины — просто незащищённый ребёнок, само существование которого было клеймом позора, оказался в его руках.

С ним можно было делать всё что угодно: вымещать накопившуюся ярость, злобу и обиду на судьбу, словно на беспомощном зверьке или покалеченной птице.

В первое время после того, как он попал в Даосский орден Куньлунь, под его одеждами не оставалось живого места от жутких рубцов. Нетронутыми оставались разве что лицо и ладони.

Так продолжалось, пока из странствий не вернулся Ли Фуюй. Он ворвался в тайную комнату и вырвал истерзанного шиди из рук обезумевшего от ярости отца.

С тех пор, по крайней мере под защитой шихэна Фуюя, Янь Фуи наконец обрёл покой.

Почему же тогда ему снова так невыносимо больно?

Точно. Сквозь пелену беспомыслия пробило горькое воспоминание: шихэна Фуюя больше нет.

Но почему... почему его не стало?

Голову пронзила острая боль, будто в череп вонзились тысячи раскалённых игл.

Было так больно, что хотелось разрыдаться, но Янь Фуи сдержал подступившие слёзы. Того единственного, кто утирал их, больше не было в живых.

"Фуи, очнись!"

"Янь Фуи!.."

Этот внезапный голос, ворвавшийся в угасающее сознание, крепкой хваткой вытянул едва теплящуюся искру жизни из глубокой, вязкой трясины небытия.

Стоило сознанию вернуться, как на него неодолимой лавиной обрушилась дикая, невыносимая боль.

Янь Фуи судорожно ловил ртом воздух, содрогаясь от боли. Перед глазами потемнело; хотелось снова лишиться чувств, но огонь, выжигавший нервы, не позволял спастись в беспамятстве, раскалёнными тисками удерживая его в сознании.

Он попытался унять дрожь и выровнять дыхание. Горло заливала тёплая кровь, при каждом вдохе наполняя рот едким, металлическим привкусом.

Прояснившийся разум вернул воспоминания, а эта осязаемая боль служила безжалостным подтверждением: он перенёс Девятикратную Громовую Кару. И остался жив.

Как жаль.

Едва эта мысль оформилась в голове, как в тишине раздался хруст — настолько тихий, что его легко можно было принять за наваждение. Так весной пробивается сквозь сухую землю упрямый побег или расправляет влажные крылья новорождённая бабочка: звук был едва уловим, но прозвучал удивительно отчётливо.

"О чём ты только думаешь! А ну выбрось это из головы!"

Звонкий, запыхавшийся голос прозвучал следом за странным треском. Он казался бредом воспалённого ума, но разносился по сознанию вполне отчётливо.

Янь Фуи шевельнул головой, хмурясь от недоумения. Он знал этот голос. Тогда, в Тайной обители Цзэу, этот невидимый собеседник возник из ниоткуда и так же внезапно пропал, едва

не заставив принять себя за опасное порождение ума — сердечного демона.

В груди шевельнулась мимолётная настороженность, но тут же бесследно растаяла. В его нынешнем состоянии даже обычный смертный, не способный держать оружие, мог бы легко вонзить ему кинжал в грудь. Какая разница, кто притаился в его мыслях?

«Неужели бред? Или неприкаянный дух, решивший завладеть моим ослабленным телом?»

"ТЬфу на тебя! Сам ты неприкаянный дух!"

«Именно так, — мысленно парировал Янь Фуи. — Раз уж ты не дух, покажись».

И лишь тогда он осознал странность происходящего.

Янь Фуи с трудом разомкнул веки.

Он лежал один в тускло освещённой комнате. В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат бамбука, а убранство вокруг казалось совершенно чужим.

В ордене Куньлунь у него имелись собственные покои, но он там почти не появлялся. Большую часть жизни он проводил у подножия гор, среди смертных, а возвращаясь назад ради дел ордена, обычно ночевал в гостевых комнатах Зала Дисциплины.

Да и на Пике Меча его никто не ждал. Хозяин вершины, Достопочтенный Меча Вопросающий Небо, терпеть не мог его присутствия, как и любимый ученик наставника — его собственный брат Янь Тиншуан.

Но комната, где он очнулся, была ему незнакома. Стоило попытаться сесть, как неведомая сила грубо швырнула его обратно на матрас. На запястьях негромко звякнули тонкие металлические цепи.

Оковы были выкованы из неизвестного сплава — матового, тускло мерцающего и, очевидно, несокрушимого.

Но важнее было другое.

Янь Фуи едва заметно нахмурился.

«Ты читаешь мои мысли?»

"Да не все подряд! Только когда ты сам мысленно ко мне обращаешься!" — тут же

самодовольно отозвался невидимый собеседник.

Янь Фуи промолчал.

Даже в мире заклинателей подобные чудеса не встречались на каждом шагу.

«Кто ты... такой?» — после недолгой паузы спросил он.

"Ты ведь сначала хотел спросить, что я за штуковина такая? Как некультурно!"

«...»

"Я — Система Спасения Белого Лунного Света!"

Голос так и сочился гордостью, но Янь Фуи почему-то почудилось, что собеседник собирался представиться иначе, но в последний миг передумал.

Расспрашивать он не стал. Эта заминка вновь всколыхнула воспоминания о Ли Фуюе. Шихэн тоже вечно болтал глупости, сыпал странными шутками, но порой замирал на полуслове, будто невидимые путы мешали ему договорить.

Шихэн тогда лишь обречённо качал головой, а затем с тихой, немного печальной нежностью принимался разминать ладонью его затекшую шею.

"Эй? — голос, не дождавшись ответа, явно заскучал. — Ты тут? Приём!"

Тогда Янь Фуи, отбросив вежливость, спросил напрямую:

«И всё-таки, что ты за штуковина?»

Невидимый собеседник шумно выдохнул. Казалось, будь у него руки, он непременно закатил бы глаза или отвесил себе подзатыльник.

"Та, которая желает тебе добра! — ворчливо отозвалась Система Спасения. — Юноша! Ты всё ещё страдаешь от вечных нападков и притеснений? Изнываешь оттого, что никто тебя не понимает? Горюешь из-за того, что тебя силой похити... Ой, прости, не тот сценарий, это вырезаем! Короче, хочешь начать жизнь с чистого листа и утереть всем нос? Система Спасения Белого Лунного Света — твой лучший выбор!"

Янь Фуи ненадолго умолк.

«В Тайной обители Цзэу... это ведь тоже был ты?»

"Я, кто же ещё! — легко согласилась Система, хоть и замялась на мгновение. — Только в прошлый раз я едва не сболтнул запрещённое слово, за что сразу схлопотал блокировку".

Какая-то бессмыслица. Его голова и без того раскалывалась, а пустая болтовня со странной сущностью лишь усугубляла боль.

"Ой, чуть не забыл! — всполошился голос. — Я ведь могу заблокировать часть твоей боли. Ну же, назови меня гэгэ, и я мигом помогу!"

Ощущение оказалось поразительным.

Мысли Янь Фуи путались, мешая уловить суть разговора с Системой, а изнурённое тело едва слушалось. И всё же сквозь эту полудрему проступало странное тепло — необъяснимое чувство близости, заставившее его расслабиться.

И хотя он так и не произнёс заветного слова, терзавшая его невыносимая боль в теле внезапно утихла.

Янь Фуи осознал это лишь мгновение спустя и удивлённо моргнул.

"Ну как? Правда, твой гэгэ просто чудо?"

Система продолжала без тени смущения расхваливать себя: "Я тебе так скажу: с твоим врождённым талантом и моей поддержкой, стоит только избавиться от этой кучки паразитов, как мы тут же..."

Янь Фуи никогда не встречал столь болтливых существ. Вскоре его внимание рассеялось, и слова Системы — как понятные, так и загадочные — превратились в невнятный гул, доносящийся словно сквозь толщу воды.

И всё же, несмотря на облегчение, тело оставалось истощённым. В груди тяжело давило, а по жилам расплзалась колючая, ледяная немота, мешающая сосредоточиться на реальности.

«Где я?» — лениво подумал он.

Ему хотелось закрыть глаза и уснуть, вернуться в тот тёплый, давно забытый сон. Он просто слишком устал и хотел немного отдохнуть.

Но в этот момент дверь со скрипом отворилась.

Он среагировал на чужое присутствие слишком поздно, лишь когда шаги зазвучали у самого изголовья — ранения притупили его чувства и былую бдительность. Повернув голову, он сумел разглядеть лишь расплывчатый силуэт гостя.

Как он ни всматривался, лицо незнакомца тонуло в тумане.

Фигура замерла у постели, молча созерцая его беспомощность. Наконец в полумраке раздался тихий, презрительный смешок:

— Избранник небес... А я-то верил, что ты действительно чего-то стоишь. Какое разочарование — ты оказался хрупкой игрушкой.

Система осеклась на полуслове.

"Погоди, это ещё что такое? — занервничала она. — В моём сценарии такого не было!"

Янь Фуи медленно моргнул. Ни слова неожиданного гостя, ни встревоженный лепет Системы не имели для него сейчас никакого смысла.

Но едва уловимый аромат благовоний подсказал, кто перед ним.

Сяо Фэн.

Янь Фуи не мог видеть лица соперника, но тот смотрел на поверженного шисюна с жадным, торжествующим ликованием.

— Разве не ты был тем самым чистым, недостижимым цветком на заснеженной вершине? — вкрадчиво, почти нежно прошептал Сяо Фэн. — И погляди на себя теперь: ты раздавлен и валяешься в грязи у моих ног.

Прикованный к постели в полумраке незнакомых покоев, Янь Фуи казался до того истощённым, словно мог рассыпаться прахом от одного неосторожного прикосновения. Разве мог кто-то поверить, что этот калека — любимец самой судьбы?

Сяо Фэн готовился к долгой и трудной борьбе за благословение небес. Но стоило признать: ему даже не пришлось прикладывать усилий. Близкие люди сами довели Янь Фуи до полусмерти. Сяо Фэну оставалось лишь вовремя прикинуться несчастным, подыграть их слепой злобе — и некогда великий праведник сам рухнул с пьедестала в дорожную пыль.

Разве это не служило лучшим доказательством того, что именно он, Сяо Фэн, — истинное дитя этих небес?

— Смирись со своей участью, Старший шисюн.

Сяо Фэн предвкушающе облизал губы, и в тусклом свете свечи его красивое лицо исказила уродливая, злобная гримаса: — Глава ордена и шисюн Цинхэ ненавидят тебя всей душой. Твой благородный наставник на самом деле холоден и безразличен, а Янь Тиншуан, ради которого ты не пожалел собственной жизни, — всего лишь глупый, самовлюблённый эгоист.

— Даже священный зверь, ради спасения которого ты пожертвовал половиной своего совершенствования, оказался неблагодарным слепцом, поверившим чужой лжи.

— Так скажи мне... чем ты теперь намерен со мной мериться?

<http://bllate.org/book/20278/2111684>